

Станислав Хабаров

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАННЯ

16+

Станислав Хабаров
Счастливого плавания

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хабаров С.

Счастливого плавания / С. Хабаров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это история любви и деловых отношений наших современников закрытой области техники. Проблемы, беды и радости. Словом, наша жизнь и мысли о ней.

Содержание

Кофе со сливками	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Станислав Хабаров

Счастливого плавания

Кофе со сливками

*Кофе нужно нагреть до кипения,
но не кипятить.*

На курорте, напротив мексиканского острова Косумель у бассейна под травяными тен-
тами рядом с нами странная пара. Они, наверное, самые старые на берегу. Им что-то за 80+
Говорят по-русски, что не редкость в этих местах. Она кого-нибудь обсуждает, он говорит ей
комплименты.

- Удивительная женщина, – начинает она.
- Ты сама – удивительная.
- Я давно за ней наблюдаю. Прекрасна, мила и одна.
- Ты сама – необычная. У женщин не принято хвалить.
- Ненавижу комплименты. Но посмотри...

Мне тоже хочется посмотреть. О ком они? Я встаю и незаметно иду в сторону.

Отдыхаем мы в Мексике который раз в том же отеле, который нам нравится. Жизнь здесь
отчасти монотонная. С соседом тянет поговорить. Как-то мы остаёмся вдвоём.

Соседство шезлонгов у бассейна располагало к разговору.

– Как дела, настроение, состояние?

– Обычное. Теперь обыденное, не как в молодости, полной мексиканских страстей.

– А ваша жена...

– Жена, не жена. Мы живём с ней в разных номерах. Но была история. Из-за неё я раз чуть друга не убил.

Ну и ну. Вот это да. Он замолкает в этот раз, и я боюсь его спугнуть. Так продолжается несколько дней. Я его не тороплю. Мы с ним как внук с дедом, по возрасту. Но деды интимных историй внукам не рассказывают, а я прошу.

– Странное дело, – сдаётся он. – Мы с вами на удобных шезлонгах, а вспоминается молодость, когда я впервые попал на море и мы с другом так же лежали на деревянных сооружениях, так называемых лежаках. Я ведь и моря тогда сходу не узнал.

И он рассказывает историю, которую я пересказываю, чуть отредактировав, но от первого лица.

Я хотел бы сначала объяснить почему мы у моря. Почему ездим сюда. Мы уже не плаваем в нём, но всё равно ездим к морю и наверное в последний раз приехали сюда. Море для меня символом, когда чего-то много, доступно, хватает на всех. Нас тянет к морю. Просто

предки наши были из моря и это у нас в крови. Когда я первый раз ехал к морю, то сразу не увидел его. Точнее не узнал.

Поезд отстукивал последние километры перед конечной остановкой. Я стоял у окна вагона. В коридоре было мало пассажиров. Проводники в голубой, вылинявшей от стирок и солнца форме сновали взад и вперед. Уступая им место, я вжимался в стенку. И тут крикнули: море. Но я не видел его. Я видел электровоз и хвостовые вагоны. Я видел дома, сады и низкое мглистое небо, а море увидел другой.

– Море, море, – говорили у окон. Я его не увидел, и это было смешно. Сосед по вагону смеялся и показывал мне. Когда потом мы встречались с ним в городе, в его глазах вспыхивали весёлые огоньки.

Потом море исчезло. За зелёным и жёлтым пошли деревья и палисадники. И должно быть, по привычке теоретика, подумалось: «Отчего нравится зелёный цвет и привычка к голубому и зелёному? А дома можно красить в зелёный и голубой? – и сделал скороспелый вывод, – Голубое и зелёное у нас от предков. Глаз привык к небу и траве».

Были мы тогда что называется теоретиками в закрытой области. Физика с баллистикой. Какой-то ракетно-ядерный кентавр. На горе и в радость всем. Армагеддон, от которого не будет спасения врагу, и китайский фейерверк. Осознание нам пришло не сразу. Хотя что задним числом кулаками махать? До конца наших дней будем теперь грехи замаливать. Нет, не религиозен я. Какое отношение к религии? Как к Деду-Морозу и волшебникам.

С чего начать? Я случайно попал в этот закрытый городок, когда его строили. В студенческом стройотряде. Сразу наступил на гвоздь и сидел в вагончике-теплушке, плюя на пол и ожидая врача. А его всё не было. Я думал, отчего нас здесь не считают людьми? Должно быть, считают зеками. Захотелось в другом качестве вернуться сюда. Так оно и вышло потом. Попав сюда после института, я несказанно обрадовался. Ещё бы, такие возможности и вокруг громкие имена со страниц учебников. Но ко всему привыкаешь в конце концов.

Сначала как в библии. Сначала ничего не было. Сначала были я и Вадим. Нет, даже и Вадима не было. Я думал, что мне необыкновенно повезло.

Это в кино и шоу-бизнесе сразу легко. В науке – сплошные беды и напасти. Прямо по анекдоту. «Слушай, переходи к нам и мы разделим твои беды и напасти. А у меня нет бед и напастей. Так переходи к нам». Тогда я обзавёлся идеей. Идея мне стукнула в голову в кремле.

Объясняю по порядку. Идеи приходят внезапно. Я сидел как-то в кремле – зелёном здании гастронома по соседству с проходной. В углу за отдельным столиком. По делу тогда у нас был развал и полная безнадёга. В кремле, так у нас отчего-то называли гастроном, официально разрешалось распивать и специально были столики, а из холодильника доставались к выпивке заготовленные бутерброды- закуской забежавшим «на огонёк». И тут меня осенило «Разве что?» Потом и всем показалось дельным такое попробовать и создали коллектив.

«С нами Вовка, с нами Вадим, оттянуться всей компанией хотим...»

Вадим явился к нам позже, когда тему собирались закрывать. Тогда-то на нашем скудном горизонте появился Вадим с чудной фамилией Фараксо. Это теперь его фамилия кажется обыденной и на слуху. А тогда она выглядела диковинной.

Мы чаще мыслим стереотипами. Стереотипом выглядели в советском кино молодые физики. С открытым, мужественным лицом. Вадим выглядел именно так. Его лицо было ему подарком судьбы. Он нравился женщинам, хотя не поймёшь, кто нравится женщинам? Не могу объяснить. Из подручных был у нас один debil, которого обожали все. Женщины – непонятные существа. Может, у них особые органы чувств и реагируют на недоступное нам. Предпочтение отдают чаще породистым людям-псам с мягкими лапами и лаем.

Не люблю я людей самонадеянных, тех, что наперёд знают всё и ни в чём не сомневаются. Кажется мне, что они больны. Они заражены комплексом полноценности. Как во всём быть уверенным в нашем сумасшедшем мире и особенно в теориях. Такие кажутся павлинами и смешны. Вадим мне кажется из них. Он высок, сложен хорошо. Так и должны выглядеть талантливые молодые теоретики.

Он был нас младше и болтался по институтским коридорам. Когда его подключили он сказал, растягивая слова: «Нужно посмотреть». А чего смотреть, если всё ясно, как божий день? Что здесь неясного, кроме нескольких сомнительных вещей? Но, как петух, он отыскал своё жемчужное зерно. Из нескольких вариантов он выбрал именно успешный, который теперь испытывался, а мы работали над тупиковым. Всегда отчего-то везёт другим. Но мы этим не заморачивались. Работа работой, а жизнь жизнью.

Подключили его из политкорректности. Тема была на исходе, а он ходил по коридорам Института с загадочной улыбкой и своеобразно шутил. В конце концов устаёшь от простоты, как устаёшь и от работы. И отправляешься на поиски загадочного. Не важно в чём.

Мы занимались с ним одним. Он подключился, когда ничего не оставалось кроме тупиков, и отыскал изюминку в общем пироге. Теперь эффект Фараксо попал в учебники, а в то время лишь был примером того, что не нужно бесцельно шлёпать хоботом по сторонам, а вовремя оформлять с капелькой везения и ему повезло. Окончательную точку должен был поставить эксперимент в сухой и чистой атмосфере азиатской степи. Но в конце концов он сломался, закончился завод, заболел и на испытания пришлось ехать мне.

Я тогда по глупости обрадовался, был рад, что свалились разом с плеч отпускные хлопоты. Мы тогда планировали отпуск. Жена уже оформилась и ждала, но потом всё развалилось. Меня бросили на этот долбаный эксперимент, закрывать грудью брешь. По планам я в этих испытаниях не участвовал. Между нами существовало даже некое соперничество. Мы сначала, казалось, шли с ним рядом, ноздря в ноздю, но на финише он каждый раз уходил вперёд. А помогали лишь в пиковых ситуациях.

У меня была красавица жена. Мы жили вместе пару лет, но казалось знали друг друга наизусть. Я уже её в отпуске представлял. Как она изменится и сделается похожей на других, загорит, осунется, исчезнет её городской шик, но вернувшись вмиг станет утончённой и загар непременно будет ей к лицу.

Кармой Вадима было то, что он всем женщинам нравился. Мини-интрижки его случались на наших глазах. Новая пассия дарила ему очередной эпизод. Но его взгляд на отношения был прост. Мне он напоминал бычка, который в притче с восторгом делится с отцом-быком: «Ой, как мне нравится эта рыжая коровка. Ой, и пёстрая тоже хороша». «Погоди, сынок, – отвечает бык, – вот дожуём жвачку и поимеем всё стадо».

Когда я был не женат, мы вместе ездили в командировки и отдыхать. Пицунда, юг, Джубга. Хотя какой это юг? Условный. Теперь я действительно живу на юге и отдыхаю у самого экватора.

Одна история мне показалась знаковой, точнее это я понял задним числом. На работе нас считали теоретиками. Молодой порослью, порождением атомно-ракетных потуг. Не всегда удачных и всё-таки. Поначалу нас никуда не выпускали. Был особый режим, но в работе случился затык и всех отправили в отпуск. В нашей жизни мало необыкновенного. Она устроена просто, и мы – теоретики засекреченной области тоже просты. Словно нас специально упростили для надёжности, а сложности устраивает лишь окружающая жизнь. Я тогда был ещё не женат и все меня сватали.

У нас в институте физических проблем своё шоу «Давай поженимся» и свой специалист, сводник- профессионал. Идея сначала пришла парторгу, ему положено заботиться о других, особенно о молодых. А он по привычке всё организовывать, подключил одного из бездельни-

ков, что трутнями у крупных дел. Тот, впрочем, действительно в этом что-то понимал и сватал с удовольствием. Сначала, как водится, вебинар, затем и практика.

Нам же было некогда. Мы были на острие эпохи. Нас старались не только тогда обеспечить жильём и за нас наше будущее решить. Для порядка, мол, все должны быть устроены.

– В жизни мы руководствуемся правилами и положениями. Другими словами, умом. А в самом важном – в любви инстинктами...

А мы рассуждали штампами: «любовь – сплошное подобие треугольников. Если два угла острых, третий тупой».

Затем начались индивидуальные беседы.

– Скажи мне, – спрашивал порученец, – где ты, современный Дон-Кихот, с будущей супругой познакомишься? Думаешь она рядом: из расчётчиц, уборщиц или в лучшем случае коллег? Нет, предназначенная богом тебе невеста скучает в соседнем текстильном городке, и следует вас свести на радость людям, уменьшив текущую энтропию.

– Но отчего в текстильном?

– Это естественно. Посмотри на животных. В природе всегда больше самок и меньше самцов.

– А трутни?

– Это у насекомых. Бери пример из мира животных. Причём самки предпочитают победителей. Закон из мира животных – по службе нужно расти.

– Но службе мешает брак.

– Отчего же? Многие совмещают. И поиск методом проб и ошибок. К сведению, у каждого француза в среднем до двенадцати женщин.

– Сведения откуда? Собственная статистика или труды института сексуальных проблем?

– Прими как факт. Например, у тебя сколько их было?

Смешно ответить: ни одной и отвечаешь вопросом на вопрос:

– За какой срок?

Мы, правда, забавно устроены. И те, кому нравлюсь я, отчего-то безразличны мне, а необходимы те, кому я ни на грош. Глупо, но что поделаешь? Первую половину жизни судьба лепит человека, а во второй нужно созданным пользоваться. Если ты – жадный, жадничай. Влюбчивый, люби. Иначе пожалеешь потом.

«С нами Алла, с нами Филипп.

Его никто не звал.

Он как-то сам прилип».

Сотрудник, которому в виде общественной нагрузки было сводничество поручено, был работником неважным. Где-то в третьем, четвёртом ряду. Не сложилось у него. Но взялся мою дилемму разрешить, подыскать пару мне. Сам он – холостяк, но у него масса знакомых. Он всюду знакомится. Знакомится для дела и нас. На этот раз он везёт нас за город на пикник с актрисами местного драматического театра.

... Толпой ждём автобуса и приглядываемся. Автобус рейсовый, городской. Начинается посадка, обычная для загородного автобуса. Кто-то вдруг у дверей выясняет маршрут.

– Садитесь, – кричат ему. – Остановки по требованию.

Наконец автобус набит под завязку. Водитель объявляет через микрофон:

– Автобус-экспресс. До конечной идёт без остановок.

Рождается новое движение.

– Пропустите, не видите, с ребёнком.

– Как я вас сквозь себя пропущу?

Когда автобус всё-таки трогается, находится резонёр, комментирующий минувшие события, словно он при посадке один бодрствовал. Я молчу, Вадим непрерывно шутит. Все смеются и это сближает. В таких ситуациях не просто найти верный тон. Находчивость в жизни – дар исключительный. У меня, например, с этим не получается.

О партнёрах мы частично информированы. Одна из них – звезда нашумевшего спектакля интересуется мной. Она уже снялась в каком-то успешном фильме и знает цену себе. И вот мы оказываемся с ней одни. На опушке леса. Нет, в целом мире. Кругом трава и ромашки на длинных упругих стеблях. Трещат кузнечики, пиликают птицы не смотря на жару. Прекрасно здесь, и я уже почти влюблён в неё. Иду за ней следом и смотрю как за её красивыми ногами смыкается трава. Неожиданно она останавливается, нагибается срывает цветок, задыхаясь от движения. Она прекрасна в эту минуту и нравится мне. Мы оба чувствуем особенность момента, когда нужно действовать или хотя бы говорить. Я вижу её потемневшие глаза и отворачиваюсь, и это тоже ответ.

Мы – чудачки, но нам чудачества по статусу положены. Мы – теоретики ракетно-ядерных систем. Мы служим прогрессу – уничтожению опасных астероидов, разгону атомными взрывами до скорости света звёздных кораблей и одновременно дьяволу в уничтожении всего живого на Земле. Законы нам не писаны. Мы пишем их сами. И одновременно, как и все люди, слабы.

– Чудило гасконское, – говорит мне после Вадим.

Объясняю, что не терплю сводничества и верю в случай. Мне нравятся отзывчивые милые лица, но требуется что-то ещё. Надеюсь, нас случай, сведёт.

– Надейся, надейся. И где вам ещё встретиться? На танцах, в кино, в троллейбусе без кондуктора?

Он машет на меня рукой.

Я сам мечтаю о прекрасной девушке и думаю о ней по утрам. Иногда она снится мне. Она идёт мне навстречу по длинному институтскому коридору.

– Здравствуй, Люся или Оля, – Не знаю, как её действительно звать. В мире много разных имён. – У тебя вид. Закачаешься.

Она смеётся в ответ. Что ещё ей сказать?

– Слушай, Люся или Наташа или Света. Плюнем на всё и уедем отсюда далеко-далеко.

Она улыбается, спрашивает:

– До конца трамвайного маршрута и дальше, до ЦПКО?

– Будем пиво пить и качаться на качелях, а потом махнём в Булонский лес.

Она ожидает: чего бы попроще попросил.

Наступает утро. Ты просыпаешься и веришь, что сегодня возможно всё. Утро прекрасное и действительно по длинному воображаемому коридору идёт она, переступая солнечные блики на полу.

– Послушай, Света или Ира, или Таня, махнём к морю. Представь себе море, чистую гальку, сосны у берега в воде. Запах хвои и пароход миражом на горизонте. Белый-беленький. Не имеем масштаба его сравнить. Он приближается с музыкой. Мы слушаем музыку, затем хватаем вещи и бежим. К нему. Ты морщишься. Тогда, конечно, будет иначе. Мы просто в шашлычной выпьем вина. Под столами прячутся понурые собаки. У них понимающий взгляд. Они сочувствуют. Кипарисы на фоне заката, а вечером звёзды. Масса звёзд южного неба. Она спрашивает:

– Это Арктур?

– Не Арктур, но тоже прекрасная звезда. Антарес.

– Поедем, Люся, а может быть Валя.

Она улыбается и говорит «Да».

В мечтах я не против прекрасной девушки. Девушки моей мечты. Особенной девушки. Я зову её Элис.

«А что это за девочка
И где она живёт?
А друг она не курит?
А вдруг она не пьёт?»

Жизнь – всё-таки изощрённый драматург. Случается затык и всех отправляют в отпуск, а нас с Вадимом даже к морю с путёвкой. Я бы, наверное, и не поехал без него. На юге нам отдыхать не разрешалось. Но в виде особой почести, по совокупности, из исключения разрешили Вадиму и мне. До этого я не был на курортах и лишь представлял, как мы поедем с Вадимом. Застенчив я и не разговорчив и Вадим дополнит меня. Мы будим ходить по чистым вымытым улицам, разглядывая встречных и вести неторопливые разговоры, разморённые ленью, бездельем и жарой. Бродить между кипарисов, новых зданий и остатков крепостных стен, и неизвестно, что вспомнится потом?

Воспоминания подарком судьбы, сюрпризом в хлопашке, из папиросной бумаги. Мимо нас будут ходить женщины, громадные как амазонки, что по преданию были крупнее мужчин. Улыбчивые, волоокие красавицы с тяжёлыми телами и ногами, отлитыми словно из чугуна. Потомки амазонок, которые по преданию жили именно здесь. И будут узкие зелёные улочки, мощённые каменной плиткой. Дни полные палящим солнцем и душные вечера. И море, море, море. Тёплое, лазурное. Доступное, как счастье. Огромное, не лимитированное, без очередей.

Тогда мы угодили с ним в какой-то занюханный пансионат министерства обороны. И всё бы было ничего. Рядом непрерывно играла музыка: «Синий, синий иней лёг на провода...», а в соседней шашлычной без ограничений сухое вино.

*Пансионат
у моря.*

Каждый раз мы выдумывали достойный повод. Скажем, почему сегодня не помянуть, что пятьдесят лет назад, после неудачной операции умер Роберт Хатчинс Годдард – признанный пионер ракетной техники, создатель ЖРД. Тематикой он близок нам и нашему незавершённому проекту.

У физиков свои заморочки. Например, на экскурсию к развалинам мечети не залюбовались со всеми, а начали обсуждать назначение ваз в стенах. Экскурсовод назвал их чудесами. Отвергалась возможность хозяйственного и декоративного применения. Вазы были вмурованы отверстиями из стен. Мы теоретики, а значит «с приветом», и мешали экскурсоводу до тех пор, пока на одном не сошлись – считать их резонаторами, создающими акустический эффект.

Экскурсии разные. Есть и морская. Вода пенилась, клокотала за кормой а волны спешили и отставали, чтобы уступить место другим, спешащим и отстающим волнам. Впереди был утёс и дом на горе. Наш пансионат. Бело-жёлтое с кремовым здание с башенкой, утопающее в зелени. За ним вдалеке громоздились молочно- сизые горы, детали которых смазывала даль, а потом открылся и городок, карабкающийся на гору. Мы причалили к берегу между двух барж и драгой, непонятно как и для чего попавшей сюда?

Думаю, многие стремились сюда отдохнуть, но попадая на пляж из-за тесноты сначала ужасались, пока постепенно не привыкали. Пляж этого южного приморского городка назывался в справочнике оздоровительным объектом детского курорта. Со стороны он напоминал лежбище разновеликих тел, прячущихся под самодельными навесами, или наоборот бесстыдно выставляющихся на подстилках, ковриках и песке напоказ.

Мы были молоды. По двадцать пять до и после с разной стороны. В молодости к возрасту несправедливы. Нас забавляла здешняя мода на собак.

– Пенсионеры с собачками – несчастные люди, – говорит Вадим. – Им просто не с кем погулять.

«А нам? – думал я. – Нам ещё хуже. Нет у нас и собачек».

Сперва мы бесцельно бродили по городу.

– Обрати внимание- говорил Вадим. -Это очень удобный город. Здесь дочери-матери. Смотришь на дочку, потом на мать – какой она станет через десятки лет.

В пансионате был строгий возрастной контингент, и мы отправлялись за приключениями на городской пляж, что был с нами по соседству, рядом. У пляжа фотографируются с медведем. Вокруг неиссякаемая любопытствующая толпа. Фотографируются и у скульптурных крокодилов, засовывая ногу в гипсовую пасть.

Сам пляж в этом месте – исчадие ада, чмокающее, требующее, влекущее. У кромки берега крутится рыжий лопухий спаниель, а, может быть, бигль. Не разбираюсь я в собачьих породах. Условно про себя зову его спаниелем или мопсом.

Он то суётся в воду, то отскакивает назад и оглядывается на хозяйку.

– Бубо. – оборачивается хозяйка. Она по колено в воде. – Бубо, ко мне.

Море для всех без очереди.

Она входит в воду. Мопс бросается за ней и поплавком выскакивает обратно. На берегу он встряхивается и словно шуба из капель мгновенно одевает его. Роскошная, серебряная. На морде мопса недоумение. В бинокль видны его испуганные глазёнки.

– Ну как? – спрашивает Вадим. – Ничего девочка?

– Ничего особенного, – отвечаю небрежно я.

Она действительно хороша и, наверное, нравится Вадиму. У меня собственное мнение на этот счёт. Кажется мне, например, что нравятся по-настоящему похожие люди. Хотя считается как раз наоборот. Похожими они становятся в результате любви. Но я думаю по-своему. Наблюдателен я или это особенный дар, но я безошибочно угадываю, потянет ли встретившихся друг к другу или нет? Не могу объяснить, как это получается?

– По-твоему сколько ей лет?

Вадим смотрит на меня удивлёнными выпуклыми глазами. Удивлёнными? Это только так кажется. Удивляться он перестал уже добрый десяток лет, а то и с самого рождения.

– Двадцать пять, – пробую улыбнуться я.

– Надо же. Нужно дожить до тридцати, чтобы ничего не соображать.

Он всегда говорит «до тридцати лет» или «дожить до седых волос», хотя мне ни тридцати, ни седых волос.

– Смотри. Если ноги выше колен в подобных вмятинах, значит около двадцати двух-двадцати трёх.

Я смотрю на её стройные ноги, на полоску незагорелого тела, появляющуюся при ходьбе, и слушаю вполуха.

Спаниель решил плыть за хозяйкой. Он очень странно плывёт, опустив в воду мохнатые уши и ворочая короткими лапами под водой. А хозяйка его уже далеко. Там, где теперь она, ослепительно блещет солнце и ничего не видно. Спаниель передумав поворачивает к берегу.

– Ну что, рванули? – спрашивает Вадим. Мы что есть силы бежим по песку. Толчок и плоский удар о воду грудью и животом. У берега мелко и никто не прыгает в воду. Но в этом особый шик. Вадим плывёт кролем и быстро уходит вперёд и в сторону. Я плыву брасом толчками с паузами, в которых можно смотреть по сторонам. Перед глазами лопнувшие пузыри. Толчок, скольжение. Люблю я брасс. Не очень быстрый, но очень удобный стиль. Я плыву без напряжения. Может, поплыть туда, где буи и клинья парусов над водой, где во мгле скрылась хозяйка спаниеля-мопса. «Ну, доплыву я до неё и что скажу ей? Здравствуйте? А дальше, рядом плыть, нырять, появляться на поверхности, пуская пузыри? Нет, вода – не освоенная флиртом стихия, и объясняться нужно не в воде. Ни к чему выдумывать трудности. Их хватает и так».

На берегу я маню бутербродом дрожащую собачонку, беру её на руки и говорю: «Мы дождёмся твоей хозяйки. Не бросит она тебя. Часто полезно подождать. Мы все издёрганы суматохой и полезно успокоиться, у моря подождать». Мопс доверчиво таращит глазёнки. Ему удобно на моих руках, он доволен жизнью и колбасой.

– Оставьте в покое буй. – гремит мегафонный голос. Видно, кто-то лезет на буй. От блеска слепнут глаза. – Молодой человек, это к вам относится...

– Делать им нечего, – киваю я в сторону спасателей. – нашли развлечение – шуметь на весь пляж, и нечего регламентировать. Море, как счастье, которое каждому дано и его дозволено взять себе столько, сколько надо. Одному широкий простор, другому достаточно набережной.

Мопс понимающе молчит. Мы играем с ним в прятки. Я рою яму, он забирается в неё, выглядывает заговорщицки. Он принимает игру. Я не знаю пород. Мне кажется это специальный охотничий пёс для охоты на лис. У него маленький рост, он способен шнырять по кустам

и забираться в лисью нору. Его вывели для охоты, но какая охота на пляже. Разве что обычная, как на его хозяйку?

Мы уже почти сдружились, когда появляется Вадим. Мы совсем довольны друг другом. Вадим тоже с виду счастлив. Он выглядит богом бронзовым телом с бисером-капельками. Хозяйка мопса выходит рядом богиней. Рука Вадима на её загорелом плече. «Не зря, оказывается, они болтались у буя». Она словно рождённая из пены. Я выпускаю спаниеля из рук. «Кто не успел, тот опоздал».

Она подходит к месту, где дожидается её одежда. Берёт вафельное полотенце и идёт к раздевалке, минизагончику. Теперь видны только ноги её и голова. Она одевается и с пляжа они уходят вместе с Вадимом. Так всегда. А что остаётся мне? Скулить каждый раз вроде выгнанной за дверь собачонки, что будет теперь временами под дверью жалобно скулить.

Когда мы ехали сюда, я думал, что не смогу без него, но сейчас я его ненавижу, как, впрочем, временами и себя. Мы с ним феноменально похожи. Мы теоретики, и этим всё сказано. Словом, не от мира сего.

Проходит неделя, мы оба скучаем по работе. Мне вспоминается чаще коридоры Института и то особое место у окна, где ещё до первого семинара докладывались идеи и не терпелось поделиться, хотя за это и чаще всего по личику схлопотать. А она? Она – безусловно довольна и хороша. Точнее, нет лучше её в этой точке земного шара. Заскучав, мы срываемся вдруг и катим обратно в свой засекреченный городок. Не знаю, какие у них отношения с Вадимом, ведь он женат? Но это не моё дело. Заноза всё-таки остаётся в душе.

Я в Институт попал после учёбы и сразу стал начальником. Незначительным и всё-таки. У нас с Вадимом разница в несколько лет. Я был старшим в проекте и со мной советовались. По делу и не совсем. Вадим раз спросил:

– Ты как догадываешься об отношении к себе?

– Проверяю по книге.

– Гадаешь, что ли?

– Понравившейся девушке даю книгу почитать.

– И спрашиваешь: понравилась ли?

– Нет, просто смотрю. Если читала бережно, дело на мази. Если книга зачитана, пустое дело: её интересуешь не ты.

– Мудр, старичок или глупые женщины. Жаждают чуткости и ради этого готовы верить в чушь.

Мне хочется возразить.

– Тогда и бабочка глупа, летящая на огонь?

– Да, невеликого ума. Откуда у неё ум?

В конце концов отдых – та же ярмарка тщеславия. Тебе недостаточно ощущения, чувственной радости и нужно её с кем-нибудь разделить. Не просто с близким, а с таким как ты сам. У нас с Вадимом странные отношения. С виду дружеские. Он более удачлив и я думаю: «Зачем я ему? Он и как следует не выслушает меня. Сколько раз я зарекался, но после он сам набивался на общения. Нужен я ему?»

Вадим практичен. Об одном сотруднике он сказал: «Его нужно занять. Он же из деревни. Не из деревни, из маленького городка, где сохранился кустарный труд». Мы оба молоды и беседуем не только о делах.

– Скажи, – спрашивает он, – словно я сотрудник Института не физических а сексуальных проблем, Кандидат естественных половых наук. Старший по должности. На вопрос следует отвечать, хотя он звучит наивно истораживает.

– Исходное – она холодна. Как её расшевелить?

Я – старший и вынужден давать практический совет.

– Холодна и в постели с ней не получается.

Отвечаю тоном авгура. Мне льстит, что он советуется со мной.

– Отдай ей инициативу. Пусть она задаёт темп.

Безответственно отвечаю. Позже вспоминается и настораживает, ранкой саднит. Приходит в голову: А вдруг? Ведь моя Элис-Клэр, тоже в постели холодна. Впрочем, сразу же отгоняю это от себя. Тревога – плод моей мнительности.

Всё-таки миром правит случай, творящий в отношении тебя. Меня мой случай не подвёл. Я встретил свою Элис-Клер: Светлану, Лану, Лючию, Клариту на разных языках. Она – инженер, специалист по тепловой защите. Она не похожа на других. Таких нет в нашем городке, а, может, и во всём белом свете. Она для меня из другой цивилизации, временно прикомандированная. Любовь с первого взгляда – нелепа. Существует правило: взглянуть второй раз. Но сколько я бы не смотрел, для меня – всё одинаково. У нас с ней сходу отношения на курьерских. Мы дополнительные. Она более коммуникабельна. Разговоры её по телефону с подругами для меня шоу с купюрами смеха. Он у неё – неповторим. Как и всё прочее. Необычное, особенное, что останавливает дыхание перед прыжком со скалы.

Встретились мы случайно. В кафе на главной улице, в обеденный час, за одним столом. Она, может, сразу и не показалась, хотя выглядела из другого мира. Но зацепило и поволокло. Росло мучительно и неконтролируемо. Я непрерывно думал о ней. Нелогично и навязчиво, а главное – непрактично вдрызг. Казалось, нужно забыть и сосредоточиться, не до того. Мы много вместе гуляли, но в самом главном инициатива была её. Сказала раз, пригласив странным образом. Застенчиво так:

– Не нужно цветов. К чему цветы, травки, листики и бесплодные разговоры. Я приглашаю тебя на кофе к себе. На кофе со сливками.

Так и произошло. Жизнь в нашем зашкаленном городке идёт своим чередом. Мы общаемся с Вадимом семьями, хотя свою жену я не афиширую. Вадим тоже женат, Впрочем неудачно, женитьба его была временным техническим разрешением его проблем. Жена ему неверна, она даже пробовала меня соблазнить. Во время наших общих возлияний спрашивала: «Ты не хочешь?» Чем ставила меня в тупик. «Разве в этом дело? Может, и хочу».

Скорее всего я недооценивал мою молодую жену и переоценивал себя. Так было до поры до времени, и мир в семье зависел целиком от моего настроения, с какой ноги я встал. Чем я иногда и злоупотреблял. Но оказалось, что по большому счёту, всё было как раз наоборот и зависело от неё. Только её терпением и уступчивостью и существовала наша семья. Мои перепады настроения сглаживались её долготерпением и мирным характером, и наша семейная ладья плыла себе по течению в меняющихся жизненных берегах. Но были и нюансы, проблемы, заморочки. Раз её подло подставили, но было это во внешнем мире, а у нас, казалось, сложился прочный мир, что, как старая кирпичная стена, служил гарантией постройки. Конечно, жили мы не на облаке, и, как в любой семье, имелись свои шероховатости, которые, впрочем, не ставили под вопрос наши отношения. В конце концов иллюзии рухнули и всё оказалось непрочным. Но тогда мои робкие сомнения, но казались мне катаклизмами торнадо, а напоминали прикосновения лёгкого будоражающего ветерка.

Позже я понял всё, трезво оценил и убедился, что не лягушкой была она, согласной жить в болоте. А если и лягушкой, то лягушкой-путешественницей. Её тянуло в новые места. Я понял это поздно, хотя теперь спешил обрадовать её.

Жестокость – дефект нашей жизни, и самые жестокие – женщины. Что позволяет им быть жестокими? То, что они слабые, слабый пол, хотя в действительности они – сильные и хитрые. Что поначалу трудно понять. Мы убеждаемся задним числом. Что она для меня? Как подвести итог? Она для меня – всё.

Однако всё закончилось взрывом. Реальным и виртуальным. Реальный не выдуман. Взрыв далеко в высоте. Всё же потрясающе видеть, как в глубине небесной пустыни ярчай-

шим коронавирусом возникает голубо-коричневый пульсирующий шар. А есть ли крик новорождённого? Он очень далеко и о крике только догадываешься. Демонстрация дела наших и дьявольских рук. Точнее сговора. Следующим по плану взрыв на Луне. И приходит в голову: «А может довольно с меня? Хватит. Завязать!» Тогда-то я по-крупному решил – вырваться из золотой клетки, уехать на волю, устроиться преподавать в большом городе с университетским началом и лабораторными возможностями. С подобными благими намерениями я возвращался в обычный мир. Но у него был свой расклад на мой счёт. В почтовом ящике, среди газетной макулатуры оказалось два письма. Одно я увидел сразу. С юга, от неё.

«Я у моря, – писала она, – Ждала тебя, но не дождалась и больше не жду». Письмо было холодным и настораживало, но не пугало. Своим решением я её растормошу. Это ничего. Это временно, – уговаривал я себя, – я её обрадую.

Возвращался я с радостью. Всё было позади и я решил за себя и за неё. Эвакуация наша, конечно, была организована. Но я не стал дожиться и рванул на аэродром на попутке. Грузовик с упрямой настойчивостью катил по прямому, пересекающему однообразию степи шоссе. В его кузове сидели, подпрыгивая на вытянутых вдоль бортов скамейках люди. Не разговаривали. Ветер заталкивал ещё не родившиеся слова, заполняя лёгкие пустотой. Впрочем долгая дорога, казалось, не тяготила пассажиров. Исчезли одуряющая жара и сонная усталость, а бесцеремонные толчки в лицо и грудь плотного воздуха вызывали только лишь безадресные улыбки

Улыбался и я, поддерживая рукой очки. Время от времени я застёгивал пуговицы, и ветер снова колдовал над моей рубашкой. При толчках в животе ёкало, я хватался за борт машины и беспричинно улыбался. Впрочем была и причина. Испытания были позади и долгая многомесячная командировка, и я решил. А внутри росла наполняя грудь, неясная и пока беспричинная тоска.

«Мы стремимся к Луне. А чем здесь не Луна?» – разговаривал я сам собой. А мимо катилась гладкая как дно высохшей лужи однообразная степь, серая и красноватая земля. Высохшие скелеты растений покрывали её местами тёмным пухом. Да и вся она до ровного горизонта была в полосах и разводах, как немытое после ремонта окно.

Я соскучился и по ней и по Вадиму. Он мне друг и меня поймёт.

– Знаешь, – скажу я ему. – Я там только понял, что такое трава. Понимаешь, приехал на аэродром. Жду. Сижу и радуюсь зелёной траве.

– Старая истина. – ответит он. –Эффект жадности. Отними у человека траву, будет не хватать травы.

Он – друг и меня поймёт, как тяжело пришлось мне в этой красной безлюдной пустыне. Да, будь она проклята с этими испытаниями. На которых там его тоже не хватало. Но друг поймёт, как я скучал и свободными вечерами и в самолёте газеты недельной свежести читал.

А наши успехи?! Да, будьте вы прокляты. Мы рады, как дети, не сознающие страшного «потом». Мы открываем кладовую дьявола своими испытаниями, и вспышка «ярче тысячи солнц» – не успех, а зарница апокалипсиса. Мы с другом это пока не будем обсуждать, а она поймёт. Вся нынешняя болтовня, чтобы отвлечь. Не хочется слушать, ответственность за всё должна созреть в каждом из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.